

Средневековые города и их значение в истории цивилизации Западной Европы.

Перемѣна въ положеніи городовъ къ началу среднихъ вѣковъ,—Постепенная феодализация городовъ и печальное положеніе городского населенія.—Причина возстанія городовъ за освобожденіе и общій ходъ его — Изложеніе борьбы за свободу городовъ Лаона и Ремса —Исторія городовъ въ другихъ странахъ Европы —Ихъ внутренній строй и значеніе въ исторіи цивилизаціи Западной Европы.

Наша характеристика статистическаго строя средневековаго общества была бы неполна, если бы мы не ознакомились съ третьимъ элементомъ, входившимъ въ составъ его и придававшимъ ему свою физиономію. Я разумѣю городъ и его населеніе горожанъ. Этотъ новый типъ живетъ долгое время одною жизнью съ двумя остальными составными элементами средневековаго общества—свѣтской и духовной аристократіей, пользующей всей полнотой нравъ, и забытымъ, подавленнымъ трудомъ вилланномъ и подчиняется тому же закону феодализации. Но интересъ его исторіи заключается въ томъ, что городъ и его жители недолго остаются подъ гнетомъ феодальнаго ига, вступаютъ въ энергичную борьбу съ феодалами, добиваются себѣ самостоятельности и такимъ образомъ становится третьей дѣйствующей силой въ образованіи западныхъ государствъ. Такъ называемая революція или возстаніе городовъ противъ феодальнаго ига падаетъ на эпоху окончательнаго расцвѣта феодализма, когда, достигнувъ своего зенита, онъ сталъ уже клониться къ разрушенію, но оно въ удобствахъ систематизаціи должно быть разсмотрѣно здѣсь же въ связи съ феодализмомъ, такъ какъ феодалы и города въ ихъ различныхъ комбинаціяхъ оказались той подпочвой, которая объясняетъ различія въ современномъ строѣ западно-европейскихъ государствахъ.

Исторія городовъ за время отъ V-го вѣка по XI-й, когда

начинается коммунальное движеніе и города разомъ завоевываютъ себѣ видное положеніе, представляется въ высшей степени темной въ отношеніи къ дошедшимъ до насъ о нихъ извѣстіямъ. Лѣтописи весьма мало интересуются городской жизнью; они много говорятъ о войнахъ и междуусобицахъ, вообще о поражавшихъ мысль лѣтописца внѣшнихъ событіяхъ, но ничего не сообщаютъ намъ о судьбахъ народовъ и о тѣхъ безымянныхъ массахъ, въ которыхъ заключается основа всѣхъ историческихъ переворотовъ. Лѣтописи молчатъ и о городахъ: отсюда слѣдуетъ, что до XI го вѣка города и не принимали широкаго участія въ ходѣ историческихъ событій, и что жизнь ихъ шла незамѣтно. Такъ это дѣйствительно и было. При томъ состояніи цивилизаціи, въ какомъ находилась Европа въ эпоху господства феодализма, для развитія городской жизни не было на лицо благоприятныхъ условій. Города предполагаютъ торговлю, промышленность, потребность и возможность обмѣна естественными продуктами и произведеніями промысла и искусства. Ничего подобнаго не было въ феодальной Европѣ до XI-го вѣка: каждая мѣстность въ ней представляла собой отдѣльное, самостоятельное цѣлое, жила сама по себѣ и довольствовалась своими внѣшними произведеніями. Отсутствие безопасности грабежи и нападенія лишали предприимчивости и тѣхъ немногихъ смѣлыхъ людей, которые вздумали бы переѣзжать съ товарами изъ одной области въ другую. Поэтому въ вѣкъ феодализма города влачили вообще жалкую жизнь, и горожанинъ былъ въ сущности крестьяниномъ, распахивающимъ прилегающую къ городу окрестную землю.

Тѣмъ не менѣе города существовали и до IX го вѣка, и ихъ было очень не мало. Они имѣли двоякое происхожденіе: одни изъ нихъ были переданы ново-европейскимъ народамъ римской имперіей, другіе возникли вновь подъ дѣйствіемъ условій варварской и феодальной эпохи. Извѣстно, что древняя, античная цивилизація была по преимуществу цивилизаціей городской и что городская жизнь въ ней достигла замѣчательнаго развитія и процвѣтанія. Въ римскихъ провинціяхъ на западъ и сѣверо-востокъ Европы т. е. въ Галліи, Испаніи, Германіи и Британіи въ IV-мъ вѣкѣ нашей эры насчитывалось много весьма крупныхъ торговыхъ пунктовъ, отличавшихся богатствомъ и многочисленностью населенія

и пользовавшихся всѣми правами городского самоуправленія. Такъ, въ одной Галліи было около 112 такъ называемыхъ *cités* (*civitate*-),—городовъ, выдававшихся по своему рангу и торговому значенію; кромѣ того, существовали еще города-крѣпости, созданные въ виду военныхъ потребностей и называвшіеся *castra* (лагери). Къ концу исторіи древней римской имперіи городская жизнь замираетъ; централизація, начавшаяся съ времени Діоклетіана и Константина, отнимаетъ у городовъ ихъ вольности и муниципальныя власти обращаетъ въ простое посредство для сбора податей. Это паденіе городовъ, замѣтное уже въ IV и V вв., доканчивается варварскими опустошеніями и завоеваніями. Германцы, овладѣвшіе провинціями западной римской имперіи, не знали городской жизни и не любили ее, но за то они любили грабить и жечь города такъ какъ здѣсь ихъ всегда ожидала богатая добыча. Въ эпоху варварскихъ переселеній многіе старые римскіе города погибли окончательно для послѣдующей исторіи; они были разрушены, и ихъ населеніе, разбѣжавшіеся отъ страха предъ варварами, уже не возвращалось болѣе на свои старыя мѣста. Такъ напримѣръ британскій городъ Уриконіумъ, одинъ изъ богатѣйшихъ,—обращенъ былъ въ кучи щебня и только въ 1857-мъ году ученымъ удалось открыть его бывшее мѣсто нахожденіе. Городъ *Rotas Julius*, стоявшій на берегу Паде-Калѣ, и городъ *Toroentum*, значительный Прованскій портъ, совсѣмъ были стерты съ лица земли, такъ что и доселѣ точно неизвѣстно, гдѣ они находились. Но и тѣ города, которые сохранились,—вышли послѣ варварской эпохи съ другимъ совершенно строемъ жизни; правда, они остались на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ стояли и подъ римскимъ владычествомъ, въ нихъ удержалась извѣстная традиція отъ римскихъ племенъ, которая сказывалась въ нѣкоторой корпоративности и въ нѣкоторыхъ остаткахъ старинныхъ терминовъ, понятій и оборотовъ рѣчи; такъ напримѣръ нѣкоторые акты въ нихъ пишутся по старымъ образцамъ, нѣкоторыя фамиліи продолжаютъ называться сенаторскими; въ особенности это нужно сказать о городахъ южной Франціи и Италіи, гдѣ римское вліяніе всегда было сильнѣе, чѣмъ въ собственно германскихъ странахъ. Но все это было лишь жалкимъ и печальнымъ намекомъ на старину. Послѣ нашествія варваровъ города прежде всего обѣд-

нѣли; обѣднѣніе ихъ естественно вызывалось прекращеніемъ торговли, общею неустойчивостью жизни и еще тѣмъ, что большинство богатыхъ фамилій, слѣдуя требованіямъ эпохи, оставило города, переселилось въ деревню и обратилось въ помѣщиковъ—феодаловъ. Затѣмъ, города потеряли и свою самостоятельность; они подпали общему процессу феодализации и должны были признать надъ собою власть сеніора. Въ послѣднемъ отношеніи образовались двоякаго рода города: епископальныя и свѣтскіе—сеніоріальныя. Власть епископа надъ городами стала возвышаться еще въ послѣдніе времена римской имперіи; къ нему перешли всѣ права, которыя связывались съ должностью „защитника города“ (defensor urbis). Эти права были очень широки: defensor наблюдалъ за правильностію суда, за исполненіемъ законовъ, за правильностью раскладки городскихъ повинностей; онъ былъ, далѣе, мировой судья, который могъ рѣшать дѣла по желанію тяжущихся, покровителемъ бѣдныхъ и защитникомъ города отъ произвола чиновниковъ. Всѣ эти права, представленныя епископу еще римскими узаконеніями, ни мало не уменьшились въ варварскихъ государствахъ. Меровинги и каролинги надѣляли церкви земельными угодіями, привилегіями и сами способствовали обращенію городского населенія въ полурабское въ отношеніи къ епископамъ положеніе. Послѣ распадѣнія имперіи Карла, всѣ атрибуты верховной власти перешли и окончательно сосредоточились въ рукахъ епископовъ. То же случилось и съ городами, подчиненными свѣтскимъ сеніорамъ. Такимъ образомъ оставшіеся въ наслѣдство отъ римской имперіи города въ вѣкъ феодализма утратили свою самостоятельность и подпали подъ верховную власть феодала.

Эти условія, способствовавшія феодализации городовъ, обладавшихъ нѣкогда муниципальною свободою, должны были еще сильнѣе дѣйствовать на тѣ городскія общества, которыя вновь образовались въ эпоху варварскую и феодальную. Такихъ вновь возникшихъ городовъ было очень немного. Въ наше время на пятьсотъ франц городовъ только около 80 ти относятъ свое происхожденіе къ періоду галло-римскому; остальные создались позднѣе, послѣ уже заселенія варварами римскихъ провинцій. Это образованіе новыхъ городовъ совершалось естественно и незамѣтно, подъ влія-

ніемъ многоразличныхъ условій. Иногда укрѣпленное помѣстье барона стягивало къ себѣ окружающее населеніе искавшее въ немъ защиты отъ грабежа и набѣговъ, и такимъ путемъ медленно переработывалось въ новый городъ. Иногда аббатство, славившееся святостью и чудесами, привлекало къ себѣ толпы благочестивыхъ людей, надѣявшихся найти у него защиту и прощеніе грѣховъ, и такимъ образомъ становилось центромъ обширныхъ поселеній. Иногда ловкое предпріятіе расчетливаго сеніора, напр. учрежденіе рынка, приводило чужеземцевъ на его земли и скоро изъ простаго замка дѣлало городъ и т. д. Однимъ изъ примѣровъ этого естественнаго роста городовъ можетъ служить исторія города Saint Omer; еще въ 9-мъ вѣкѣ Сеномэ было простымъ аббатствомъ, возникшимъ благодаря стремленію къ подвижнической жизни; два раза въ теченіе этого вѣка оно подвергалось нападеніямъ норманновъ и терпѣло опустошенія вмѣстѣ съ окружающей его мѣстностью; наученные опытомъ, монахи, наконецъ, рѣшились построить стѣны кругомъ монастыря, отбили набѣги норманновъ и этимъ привлекли къ себѣ населеніе. Монастырь сталъ быстро заселяться и къ X-му вѣку сдѣлался уже городомъ. Но какими бы условіями не было вызвано возникновеніе новаго города, во всякомъ случаѣ онъ рождался на землѣ чужой, сеніоріальной и потому необходимо подпадалъ зависимости отъ короля, графа, епископа или аббата, необходимо становился феодальнымъ городомъ,—все равно, какъ и тѣ города, которые вели свою генеалогію отъ временъ Цезаря и Августа.

Что же такое феодальный городъ?

По внѣшней своей сторонѣ феодальный городъ вполне отражалъ на себѣ характеристическія черты эпохи и былъ ничто иное, какъ расширенный замокъ. Онъ окружался толстыми каменными стѣнами, рвами, наполненными водою, подъемными мостами и частоколами. Глядя на него не трудно подмѣтить, что главная цѣль его заботъ—защита отъ внѣшнихъ нападеній; на немъ сказалось общее стремленіе феодальной эпохи къ обособленности, къ замкнутости отъ всего окружающаго. Ни о какихъ удобствахъ и благоустроенности, подобныхъ тѣмъ, какія существовали нѣкогда въ городахъ римской имперіи, не можетъ быть и рѣчи въ приложеніи къ феодальнымъ городамъ. Старые римскіе города

отличались обширностью своихъ размѣровъ и пространностью; жилище римскаго гражданина располагалось удобно, съ большимъ дворомъ внутри, атриумомъ, и было по большей части очень невысоко. Города феодальной эпохи должны были сокращать свои размѣры, чтобы имѣть меньшее протяженіе на случай защиты. Тѣ города, которые остались отъ римской эпохи, сносили свои предмѣстья и скупчивались; атриумъ застраивался и крыши возвышались надъ массою этажей, выстроенныхъ даже съ выстудами, чтобы побольше съэкономить мѣста. Дома, большею частью деревянные, поставленные сплошной стѣной вдоль улицъ; улицы темныя и грязныя: на нихъ выбрасывается изъ домовъ все лишнее, все ненужное, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти; по нимъ свободно разгуливаютъ свиньи и всякій домашній скотъ. Лучшими зданіями города были церкви, монастыри и башни сеніоровъ; они возвышались надъ городскими стѣнами и служили послѣднимъ убѣжищемъ горожанина на случай вторженія враговъ внутрь города. Многіе города имѣли не по одному сеніору, а по нѣсколькимъ вмѣстѣ; если въ городѣ былъ не одинъ, а два—три монастыря, то все они дѣлили между собой господство надъ жителями. Бывало иногда такъ, что каждый кварталъ, каждая улица, переулочекъ, даже отдѣльные дома принадлежали различнымъ сеніорамъ. Случалось и такъ, что извѣстная часть церкви, даже извѣстная часть хора была подсудна епископу, тогда какъ остальная часть вѣдалась напр. судомъ капитула. Дробность правъ вела къ столкновеніямъ и спорамъ; сеніоры враждовали между собой, составляли изъ горожанъ партіи и на узкихъ городскихъ улицахъ сражались другъ съ другомъ. Поэтому, горожанинъ среднихъ вѣковъ—совсѣмъ не похожъ на того флегматичнаго, неповоротливаго буржуа, купца, съ которымъ знакомить насъ новое время; въ то время каждый лично самъ долженъ былъ заботиться о своей безопасности, и горожанинъ, занимавшійся мирнымъ трудомъ, рано долженъ былъ освоиться съ боевой жизнью и военнымъ искусствомъ. Подъ предводительствомъ феодаловъ, горожане часто бывали въ военныхъ передѣлкахъ, перенимали отъ рыцарей тогдашніе военные приемы, умѣли отразить нападеніе, разорвать ряды кавалеріи, взобраться на стѣны замка. Этимъ искусствомъ, перенятымъ у феодаловъ,

горожане потомъ съ успѣхомъ воспользовались противъ своихъ учителей. При враждѣ между различными городскими сеніорами горожанинъ въ сущности всегда оставался военнымъ человѣкомъ, всегда долженъ былъ быть наготовѣ къ борьбѣ и къ сопровождающимъ ее бѣдствиямъ. Феодалы не стѣснялись въ средствахъ для пораженія противника, избивали его подданныхъ, грабили и поджигали части городскія, подчиненныя противнику. Средневѣковый городъ вообще имѣлъ противъ себя три великихъ зла: своихъ сеніоровъ, огонь и заразные болѣзни. Сеніоры не давали покоя горожанамъ; огонь истреблялъ ихъ жилища, а заразные болѣзни уносили въ могилу сотни и тысячи городского населенія. При скученности строеній средневѣковые пожары отличались необыкновенною грандіозностью; съ быстротою молніи пламя охватывало деревянныя постройки, перебрасывалось изъ дома въ домъ и овладѣвало городомъ. Неистово звучалъ пожарный колоколъ, но никто не думалъ заливать пожара, каждый спѣшилъ убѣжать изъ города и спасти свою жизнь. Еще хуже были заразные болѣзни: они истребляли населеніе города такъ же быстро, какъ пожаръ истреблялъ его строенія; такъ напр., въ XII вѣкѣ отъ черной смерти въ Любекѣ умерло 9 тыс. жителей, въ Базелѣ 14 тыс., въ Эрфуртѣ 16 тыс.

Плохо жилось средневѣковому горожанину подъ игомъ феодальнаго сеніора. Политическихъ правъ онъ никакихъ не имѣлъ; сеніоры по своему усмотрѣнію распоряжались горожанами, судили ихъ, брали съ нихъ подати и налоги. Въ отношеніи къ горожанамъ почти повторяются всѣ тѣ подати и повинности, какія долженъ былъ нести и крестьянинъ, сидѣвшій на землѣ сеніора. Горожанинъ обязанъ былъ нести военную службу, платить поголовную подать и поземельный цевзъ, если онъ пользовался поземельнымъ участкомъ сеніора. Кромѣ того, сеніоръ въ каждомъ городѣ имѣлъ право на даровой ночлегъ и угощеніе для себя, своей прислуги, для лошадей и собакъ. Онъ могъ забирать жизненные припасы, постели, мебель посуду на такое время, на какое ему заблагоразсудится. Затѣмъ, слѣдовало отдѣлять пошлинъ, наложенныхъ на всякое производство, торговлю и соприкосновенные съ ними случаи. Вотъ напр. перечень пошлинъ, какіе платили жители города Амьеня своему

графу и другимъ сеніорамъ: это: 1) — *travers* — пошлина за провозъ товаровъ водою или сухимъ путемъ: она взималась на заставахъ, нарочито для сей цѣли устроенныхъ феодалами; сюда же относится и пошлина за проѣздъ по мосту, т. н. *pontaticum*: мосты запирались цѣпями, и всякій желающій проѣхать долженъ быть предварительно уплатить извѣстный взносъ въ пользу владѣльца моста. Понятно, что эти заставы и мосты весьма стѣсняли торговлю и были неистощимымъ источникомъ всякихъ беспорядковъ и многочисленныхъ процессовъ 2) Далѣе идутъ пошлины, взимавшіяся внутри города, — именно: *telonium* — пошлина при вѣздѣ въ городъ и на рынокъ съ продажи товаровъ; *mesnage* — пошлина за взвѣшивание товара на вѣсахъ сеніора, за измѣреніе хлѣба, вина и т. д. Сеніоръ имѣлъ свои мѣры для всѣхъ этихъ продуктовъ; подчиненные ему горожане обязаны были пользоваться исключительно его мѣрами, но за это должны были платить пошлину; 3) потомъ слѣдуютъ пошлины за право заниматься различнымъ промысломъ напр. за право растить солодъ, вести пивовареніе, мѣнять деньги и т. д., 4) наконецъ, ко всему этому примыкаетъ огромный отдѣлъ штрафовъ, которыя взыскивались за нарушеніе перечисленныхъ правъ сеніора. Но мы впали бы въ грубую ошибку, если бы признали, что всѣмъ этимъ и ограничивались повинности горожанина въ отношеніи къ сеніору. Сеніоръ вмѣшивался во всякую сдѣлку между горожанами, во всякое предпріятіе своего подчиненнаго, — и вездѣ взыскивалъ свою дань. Онъ бралъ плату за продажу, мѣну и куплю, за лавки и амбары, считавшіеся его собственностью, бралъ съ жилища горожанина и его пристроекъ. Хотѣлъ-ли горожанинъ строить домъ или хлѣвъ, онъ платилъ сеніору деньги: но если онъ хотѣлъ и сломать свою постройку, онъ опять шелъ къ сеніору и платилъ деньги. Короче говоря, положеніе горожанина есть положеніе близкое къ серву, къ закрѣпощенному земледѣльцу феодальной эпохи. Феодалы, дѣйствительно, и стремились къ тому, чтобы уравнивать право городского и сельскаго населенія, слить ихъ, хотя этого никогда не удавалось достигнуть имъ. Крестьянину трудно было оставить свой земельный участокъ, съ которымъ онъ сроднился, который онъ воздѣлалъ и удобрилъ своимъ трудомъ: поэтому крестьянъ

нинъ поневолѣ подчинялся произволу своего господина. Но горожанинъ, занимавшійся промысломъ или торговлей, легко могъ уходить изъ своего города и переселяться въ другой, гдѣ онъ могъ устроиться удобнѣе; его искусство всегда оставалось съ нимъ. Вотъ почему сами феодальные сеніоры должны были дѣлать уступки городскимъ жителямъ и не могли съ такою же легкостью распоряжаться ими, какъ съ сельскимъ рабочимъ населеніемъ. Но хотя горожане и пользовались нѣкоторою свободою по сравненію съ вилланами, они все же оставались податнымъ сословіемъ и не входили въ составъ общества; епископъ Адальберонъ въ знаменитой поэмѣ, обращенной къ французскому королю Роберту, описываетъ вокругъ себя лишь два класса людей: дворянъ и духовенство; горожанъ онъ не упоминаетъ.—Таково было положеніе западно-европейскихъ городовъ до XI-го вѣка, когда начинается эпоха городскихъ возстаній, коммунъ и борьбы за независимость.

Какъ это обычно наблюдается при изученіи среднихъ вѣковъ, причину коммунальной революціи, охватившей западныя города съ X—XII вѣкъ, историки ищутъ въ разныхъ стороннихъ вліяніяхъ. Одни думали, что эта революція состояла лишь въ возстановленіи строя древнихъ римскихъ городовъ: они тщательно подбирали всѣ вѣщныя черты сходства между коммунальной системой и римской муниципальной организаціей времени упадка, подчеркивая въ особенности выраженія *municipium*, *consul*, *libertas romana*, часто употреблявшіеся также и въ средніе вѣка. Эта гипотеза теперь совсѣмъ оставлена, такъ какъ,—мы уже это видѣли,—то устройство, какое имѣли города въ римской имперіи совершенно исчезло, и въ феодальную эпоху они получили совсѣмъ другой видъ. Другіе ученые по преимуществу германскіе, какъ Эйхгорнъ, Мауреръ и др. начало муниципального строя искали въ древнихъ германскихъ учрежденіяхъ, занесенныхъ въ Галлію и Италію нашествіемъ варваровъ. Организація виллы, марки, сотни или селенія съ ихъ должностными лицами, по мнѣнію этихъ ученыхъ съ самаго начала заключали въ себѣ всѣ элементы, которые преобразуясь и приноворяясь къ потребностямъ времени, мало-по-малу и образовали основу средневѣковой муниципальной системы. Не вдаваясь въ детальнѣйшій разборъ обѣихъ

этихъ теорій, слѣдуетъ предъявить по ихъ адресу тотъ важный упрекъ, что они совсѣмъ не объясняютъ коммунальной революціи. Въ самомъ дѣлѣ, почему городское движеніе произошло слишкомъ поздно, если всѣ элементы существовали уже къ началу среднихъ вѣковъ и почему оно отличилось въ самыя разнообразныя формы и возникло почти одновременно какъ въ старыхъ, такъ и новыхъ городахъ?

Историческая причина освобожденіе городовъ заключалась исключительно въ томъ экономическомъ и социальномъ переломѣ, какой произошелъ между X и XII в. въ возрожденіи труда и производства во всѣхъ формахъ, пробудившихъ Европу отъ сна. Начиная съ X вѣка феодальный міръ организуется: среди всеобщаго раздробленія водваряется относительный порядокъ. Анархія предшествующей эпохи исчезаетъ и каждый сеньоръ считаетъ себя болѣе ея годнымъ для себя организовать и эксплуатировать свой даръ: открываются новые рынки, завязываются сношенія между городами. Число купцовъ увеличивается, и они рѣшаются удаляться отъ защищающихъ ихъ стѣнъ. Въ тоже время общество, погибавшее отъ скуки, пристращается къ путешествіямъ, приключеніямъ и паломничеству вплоть до св. земли; міръ расширяется, умственный кругозоръ увеличивается, снова завязываются сношенія между Сѣверомъ и Югомъ, Востокомъ и Западомъ: возрождается всемірная торговля. Слѣдствія этого движенія немедленно отражаются и на городахъ: по необходимости бѣдные и слабые пока не было торговли, они снова населяются и обогащаются и чувствуя себя сильными, вступаютъ въ борьбу съ сеньорами. Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ тотъ фактъ, что ходъ освобожденія городовъ направлялся именно по большимъ торговымъ потокамъ того времени. Сначала освобождаются города Италіи, затѣмъ поднимаются города Рейна,—этой великой дороги обмѣна, соединявшей сѣверъ Европы съ поясомъ Средиземнаго моря, далѣе идутъ города Фландріи и Пикардіи. Съ улучшеніемъ экономического быта пробудилась въ городахъ жажда свободы, и эта жажда была тѣмъ сильнѣе, что развившаяся городская жизнь предъявляла новыя потребности къ общественной жизни, которымъ удовлетворить феодализмъ не могъ. Купцу нуженъ былъ безопасный проѣздъ, ремесленникъ требовалъ правильнаго, спо-

койнаго теченія жизни, необходимаго для занятія ремесломъ или искусствомъ; а феодализмъ весь былъ сотканъ изъ грабежей, насилій и неожиданностей личнаго произвола. Богатство городовъ слишкомъ раздражало феодальную алчность; поэтому, и насилія надъ городами удваиваются вмѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ благосостоянія,—и вотъ, чтобы положить конецъ этимъ грабежамъ, города берутся за оружіе, вступаютъ въ ожесточенную борьбу съ феодалами, и добываютъ себѣ независимость.

Самый процессъ освобожденія городовъ въ различныхъ странахъ Европы совершается различнымъ путемъ; города начинаютъ борьбу безъ плана, безъ предварительнаго соглашенія между собою, подъ вліяніемъ накопившихся потребностей или разомъ вспыхнувшаго одушевленія; одинъ городъ рѣдко справляется съ тѣмъ, что и какъ сдѣлано въ другомъ городѣ: онъ опирается на свои только силы, дѣйствуетъ въ одиночку и достигаетъ того, чего можно достигнуть при данной совокупности условій. Если оставить въ сторонѣ частности и имѣть въ виду общее, то можно сказать, что города освобождались или вслѣдствіе уступокъ и добровольныхъ соглашеній съ сеніорами или насильственнымъ способомъ, при помощи возстаній и войны съ сеніорами.—Ранѣе другихъ добыли себѣ свободу города Италіи, пользовавшіеся такъ сказать привилегированнымъ положеніемъ въ ряду другихъ европейскихъ городовъ. Въ городахъ Италіи сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранилась римская традиція о муниципальных вольностяхъ; обладавшіе по большей части многочисленнымъ и богатымъ населеніемъ, эти города никогда не знали застоя и прекращенія торговыхъ оборотовъ и не испытывали такого униженія при феодальныхъ порядкахъ, какъ ихъ средне европейскіе товарищи. Въ своихъ стѣнахъ они съ раннихъ временъ заключали не однихъ торговцевъ и ремесленниковъ, но и представителей аристократическаго, военнаго сословія; въ нихъ жили рыцари, вассавы, капитаны, привыкшіе орудовать мечемъ и не любившіе подчиняться чужой власти. Крестовые походы по преимуществу содѣйствовали обогащенію италіянскихъ городовъ, такъ какъ вся масса рыцарскаго ополченія т. е. именно масса богатыхъ, состоятельныхъ людей шла чрезъ Италію и въ надеждѣ на будущія блага не мало оставляла

на пути золота. Въ то время какъ, вся Европа горѣла огнемъ беззавѣтнаго увлеченія и покидала все свое имущество для того, чтобы освободить св. мѣсто, расчетливые италіанскіе горожане предпочитали оставаться при своихъ прежнихъ занятіяхъ; они не ходили въ св. землю, а занимались перевозить туда арміи крестоносцевъ и брали за это хорошія деньги. Къ XI-му вѣку города Италіи сдѣлались уже самостоятельными городами, республиками, независимыми ни отъ какого сеніора. Исполнительная власть въ нихъ принадлежала консуламъ,—которые имѣли право войны и мира, созывали народное собраніе, издавали декреты по всѣмъ отраслямъ администраціи, судили и вообще олицетворяли собой верховную власть народа.

Освобожденіе италіанскихъ городовъ для всей остальной городской Европы оказалось искрой, брошенной въ давно готовый горючій матеріалъ. Оно прежде всего отозвалось на югѣ Франціи, въ городахъ Прованса и Лангедока, гдѣ также, какъ и въ Италіи, сильны были римскія преданія, гдѣ народонаселеніе со своими оригинальными правами и обычаями, со своей своеобразной начинающейся цивилизаціей, съ романскимъ языкомъ, стояло въ близкомъ родствѣ съ италіанскою народностью. Ученые историки отказываются точно опредѣлить ту эпоху, когда городамъ южной Франціи удалось выйти изъ-подъ опеки сеніоровъ. Самыя древнія хартіи вольностей въ этихъ городахъ не восходятъ выше XII-го вѣка, но онѣ говорятъ не о новыхъ дарованныхъ городомъ или завоеванныхъ ими вольностяхъ, а о томъ, что давно существовало на практикѣ, какъ установившійся обычай; онѣ только оформливаютъ этотъ обычай и возводятъ его въ законъ. Естественноѣе, поэтому, думать, что здѣсь свобода городская добыта была не вдругъ, не въ одну какую либо эпоху, а постепенно, путемъ медленныхъ уступокъ со стороны сеніоровъ. Города южной Франціи, подобно городамъ Италіи, никогда не испытывали на себѣ въ такой мѣрѣ феодальнаго ига, какъ это досталось на долю сѣверныхъ городовъ. Здѣсь жители издавна принимали участіе въ городскомъ управленіи, призывались сеніорами къ содѣйствію въ случаѣ важныхъ рѣшеній. Такъ напр. въ Марсели въ 962 г. графъ Безонъ заключаетъ договоръ съ аббатствомъ „съ согласія знатныхъ Арля“; въ Нимѣ въ 1080-мъ году

архіепископъ созываетъ горожанъ на общее собраніе, чтобы одобрить даръ, приносимый ихъ церкви; архіепископъ дѣйствуетъ здѣсь „по волѣ и по просьбѣ гражданъ“; въ Каркассонѣ граждане еще въ XI в. приносятъ присягу графу Барселонскому, а потомъ его сопернику, какъ люди независимые, какъ вассалы. Кромѣ того, города юга въ большинствѣ случаевъ раздѣлены были между нѣсколькими сеніорами и спорами между послѣдними пользовались для расширенія своихъ привиллегій, причемъ немалое значеніе играло и золото. Впрочемъ, и на югѣ дѣло не обошлось безъ возстаній: такъ, въ XII-мъ вѣкѣ Тулуза возстала противъ своего графа Раймонда, въ 1143 м.—въ Монпелье изгнанъ былъ сеніоръ, въ 1207—жители Нима ведутъ борьбу съ судьей графа Тулузскаго. И здѣсь, какъ и вездѣ, возстанія сопровождались кровопролитіемъ, избіеніемъ и другими подобнаго рода событіями. Самый драматичный случай былъ въ Безье въ 1167 мѣ году; здѣсь произошло слѣдующаго рода исторія: во время похода, предпринятаго сеніоромъ этого города, одинъ горожанинъ его арміи поссорился съ рыцаремъ и отнялъ у него возовую лошадь; сеніоръ рѣшилъ отдать его въ распоряженіе рыцарямъ, и тѣ расправились съ нимъ по своему: по таинственному сообщенію хроникера, они произвели надъ виновнымъ „правда легкую, но обезчестившую его на всю жизнь экзекуцію“. Весь городъ счелъ себя обиженнымъ, вступился за виновнаго, и слѣдствіемъ-то этого явилось возстаніе. Составился заговоръ противъ сеніора, хотя сеніоръ и готовъ былъ уладить дѣло миромъ: заговорщики напали на него въ церкви Магдалины, куда онъ явился для объясненій съ гражданами, закололи его предъ алтаремъ, изгнали его сына Рожера въ городѣ учреждена была коммуна; однако, чрезъ два года Рожеръ возвратился и отомстилъ за смерть отца поголовнымъ избіеніемъ горожанъ. Впрочемъ, подобные случаи кровавыхъ драмъ на югѣ Франціи были исключеніемъ; въ общемъ, освобожденіе городовъ здѣсь было дѣломъ мира и порядка.

Не то мы встрѣчаемъ на сѣверѣ Франціи; правда, и здѣсь были случаи мирнаго освобожденія: здѣсь иногда даже сами сеніоры помогали городамъ въ борьбѣ за независимость съ тою цѣлью, чтобы тѣснѣе связать съ собою гражданъ и пріобрѣсти въ нихъ союзниковъ, но въ общей картинѣ исторіи

сѣверныхъ городовъ эти случаи отодвигаются на второй планъ и первое мѣсто уступаютъ возстанію. Города французскаго сѣвера добыли себѣ самостоятельность путемъ упорной, кровавой борьбы. Положеніе этихъ городовъ съ самаго начала было иное, по сравненію съ Италіей, Провансомъ и Лангедокомъ. Сѣверные города были менѣе населены, менѣе богаты и менѣе сильны; напротивъ узы феодализма въ нихъ были могущественнѣе и сплоченнѣе. Рѣдко и при особыхъ обстоятельствахъ сѣверный городъ находилъ себѣ сочувствіе у своего барона; въ большинствѣ случаевъ его встрѣчали въ замкѣ упорное сопротивленіе, готовность скорѣе стереть городъ съ лица земли, чѣмъ признать за нимъ тѣ вольности, которыхъ онъ добивался. И это понятно: освобожденіе городовъ било феодаловъ прямо по карману; оно не только сокращало ихъ власть,—оно ограничивало ихъ доходы и задѣвало ихъ честь, такъ какъ въ уровень съ нимъ ставило какое-то сборище деревенщины. Въ особенности ненавистью къ городамъ отличалось французское духовенство. „Коммуна,—говоритъ Генбертъ Ножанскій, аббатъ монастыря св. Маріи,—есть новое и ненавистное слово, и вотъ что оно обозначаетъ: люди, обязанные платить талію, только разъ въ годъ платятъ сеніору то, что обязаны платить“. Эти слова Генберта выражаютъ собой общее мнѣніе тогдашняго духовенства. Ива Шартрскій, одинъ изъ передовыхъ прелатовъ своего времени, прямо проповѣдовалъ въ Бовэ, что присягу, данную городамъ хранить не нужно; ибо такіе договоры,—добавлялъ онъ,—противны каноническимъ законамъ и постановленіямъ св. отцовъ. Весьма любопытно выразился относительно городовъ Этьенъ, епископъ Турне: „на этомъ свѣтѣ,—говорилъ онъ,—есть три и даже четыре рода крикуновъ. это—коммуны деревенскихъ жителей, которые желаютъ разгрызвать роль сеніоровъ, споряція женщины, хрюкающее стадо свиней, и не приходящія къ соглашенію каноники; мы смѣемся надъ вторыми, презираемъ третьихъ но да освободить насъ Господь отъ первыхъ и послѣднихъ“. Соборъ въ Парижѣ 1213-го года прямо объявивъ городское самоуправленіе „діавольскимъ обычаемъ“, противнымъ юрисдикціи церкви,—и сами папы часто присоединяли свой голосъ къ этому концерту проклятій, вызванныхъ городскимъ движеніемъ. При такомъ настроеніи сеніоровъ понятно, что города сѣ-

вѣрной Франціи для своего освобожденія могли воспользоваться только однимъ путемъ,—путемъ революціи. возстанія,—и они, дѣйствительно, вступили на этотъ путь. Толчекъ къ нему данъ былъ съ юга Франціи; вѣсть о совершившемся здѣсь освобожденіи потрясла сѣверныя города, и городъ Камбре первый учредилъ у себя коммуну; это было въ 1076 г.; за нимъ послѣдовали: Нуайонъ (1110 г.), Бовэ (1182 г.), Сень—Ринье (1126 г.), Лаонъ (1128 г.), Амьенъ (1113 г.), Суассонъ (1181 г.), Реймсъ, Корбія, Абевилль, Компьенъ и т. д. Наступило героическое время коммунальнаго движенія: возстаніе совершалось внезапно и борьба была упорная; обыкновенно ему предшествовало сильное волненіе среди горожанъ; много было шумныхъ толковъ о несправедливости сеньора, о его страшныхъ притѣвленіяхъ: волненіе достигало высшей степени, когда приходила вѣсть о томъ, что сосѣдній городъ уже свергнулъ съ себя иго: смѣлые головы составляли заговоръ противъ сеньора; этотъ заговоръ расширялся, захватывалъ большое число горожанъ и обращалъ городъ въ коммуну. Самое возстаніе чаще начиналось среди ночной тишины: кучка смѣльчаковъ подбиралась къ феодальной стражѣ и нападала на нее; укѣпившись въ захваченномъ пунктѣ, заговорщики съ крикомъ: коммуна! коммуна!—разсыпаются по городу, будятъ гражданъ и захватываютъ городъ.—Но это только начало борьбы, продолжительной и упорной: не достаточно еще захватить городъ, нужно выжить изъ него феодала, а для этого нужно взять грозный замокъ, и затѣмъ прогнать изъ города его вассаловъ. Осада замка продолжалась иногда цѣлыя недѣли; если горожанамъ удавалось его взять, то отъ него оставалась только груда камней и щебня. Бѣжавшій феодалъ иногда возвращался съ войскомъ и жестоко расправлялся съ городомъ, но горожане опять оживали и начинали борьбу. Такъ городъ Chatlauneufъ возлѣ Тура двѣнадцать разъ возставалъ противъ своего сеньора, аббата сень-Мартенскаго, и двѣнадцать разъ былъ побѣжденъ. Побѣда надъ феодаломъ не всегда еще обозначала окончательное освобожденіе города: за феодала вступался другой баронъ, жившій рядомъ съ городомъ, или даже самъ король, и борьба длилась цѣлыми десятилѣтіями.

(Продолженіе съ послѣдствъ).

А. Спасскій.